

Белый шелковый полог был приподнят. Фан Юньсюань, опираясь на руку Бэй Су, приподнялся с постели. Его тело мелко подражало, лицо лишилось всех красок — всего за несколько месяцев он иссох до состояния скелета.

— Как... это ты? — Фан Юньсюань был ошеломлен, он не мог поверить своим глазам.

Лань Чжуй поспешно опустил голову, не желая показывать, как из его глаз неконтролируемо катятся слезы. Голос его дрогнул:

— Мы не виделись всего несколько месяцев, как же ты довел себя до такого состояния?

Фан Юньсюань криво усмехнулся и, повернувшись к Бэй Су, произнес:

— Мы старые знакомые, ты пока выйди.

Бэй Су кивнул и с поклоном удалился.

Фан Юньсюань прислонился к краю кровати, склонив голову набок, и с улыбкой смотрел на человека, по которому так долго тосковал:

— Столько времени прошло, ты не подойдешь меня обнять?

Лань Чжуй замер. Видя, как ласково он на него смотрит, его ноги сами, помимо воли, пошагали к кровати. Вблизи он ощутил еще большую боль: лицо Фан Юньсюаня было изможденным, словно он страдал от страшного яда. Видеть эту привычную, нежную улыбку было невыносимо — словно сердце полоснули острым клинком.

— Юньсюань! — Лань Чжуй издал тихий вздох и крепко прижал его к груди. — Ты хоть знаешь, как сильно я по тебе тосковал?!

— Глупыш, — Фан Юньсюань послушно прильнул к нему, поглаживая его по спине, чтобы успокоить.

— Почему ты не пришел ко мне? Прятался намеренно?

— Мы идем разными путями. Разве встреча что-то изменила бы?

— Если бы я не пришел, мы бы так и... всё закончили?

Фан Юньсюань зашелся в приступе кашля и слегка отстранился:

— Пока человек жив, всегда есть шанс встретиться.

Лань Чжуй сжал его руки:

— Старшие из Шаолиня сказали мне, что Бессмертный с Восточного Острова, возможно, скрывается в Вангуку. Быть может, он единственный в этом мире, кто способен снять с тебя яд. Собирайся, мы отправляемся немедленно.

Фан Юньсюань внезапно спросил:

— А что с Гун Цюйчэнем? Он ведь был с тобой?

— Он велел мне самому отправиться в Шаолинь, чтобы разузнать о местонахождении Бессмертного с Восточного Острова. Когда я спускался с горы, его уже и след простыл.

Фан Юньсюань встревожился:

— Это... он не подал условного сигнала, значит, что-то случилось!

— Весь мир боевых искусств — враги для Культа Линъинь, такой вариант исключать нельзя. Но на земле не было ни капли крови, так что, думаю, его либо увезли насильно, либо он ушел не по своей воле. Вряд ли его жизни прямо сейчас угрожает опасность. Сейчас важнее всего — поскорее избавить тебя от яда.

— Нет, сначала нужно найти Гун Цюйчэня. У тех людей нет добрых намерений, ничего хорошего из того, что его похитили, не выйдет! Бэй Су, Бэй Су!

Мальчик, казалось, все это время дежурил за дверью. Услышав зов, он тут же ворвался внутрь:

— Учитель, какие будут указания?

— Немедленно разошли людей на поиски Гун Цюйчэня, ты... кхе-кхе... — Видимо, от волнения сердце отозвалось болью, и, не успев договорить, он содрогнулся в приступе кашля.

Лань Чжуй поспешно притянул его обратно к себе:

— В таком состоянии, а все еще хорохоришься! Твоих подчиненных хватит, чтобы найти Гун Цюйчэня, а ты отправляешься со мной в Вангуку!

Бэй Су тоже вставил слово:

— Учитель, можете не волноваться, я сам поведу людей на поиски левого защитника.

Фан Юньсюань хотел было возразить, но Лань Чжуй перебил его:

— Больше ни слова. Я не позволю тебе отойти от меня ни на шаг.

Бессильный что-либо сделать, он кивнул. Цюйчэнь, с тобой непременно должно быть все хорошо!

К счастью, скакун Лань Чжуй был ценным даром от иноземных племен, поэтому даже под тяжестью двух мужчин он мчался очень быстро. Фан Юньсюань пребывал в полузабытьи, и Лань Чжуй, не желая сажать его на отдельную лошадь, прижимал к себе, не сбавляя темпа.

До Вангуку было недалеко. Об этом месте доходили лишь слухи, но никто никогда не стремился туда попасть. В мире людей поговаривали, что это сущий ад. Пустое ущелье, повсюду отвесные скалы и иссохшая растительность. Огромные глыбы образовывали естественный лабиринт, и те, кто заходил внутрь — будь то звери или люди — почти всегда терялись, не находя выхода. На ухабистой тропе то и дело виднелись зловещие белые кости.

Перед входом в горы Лань Чжуй оставил лошадь в небольшой деревушке у местных крестьян, закупил в дорогу сухой паек и немного воды, после чего, подхватив Фан Юньсюаня на руки, направился в ущелье.

— Говорят... мало кто выбирается оттуда живым, — Фан Юньсюань приобнял Лань Чжуй за шею, закрыв глаза. Он становился все слабее.

Раз говорят, что мало кто выбирается, значит, кто-то все же выбирался, — подумал про себя Лань Чжуй. Он с грустью отметил, что Юньсюань стал таким легким, будто совсем ничего не весил.

— Я уже одной ногой в могиле. Если ты погубишь из-за меня свою жизнь, это будет того не стоить.

Лань Чжуй внезапно остановился:

— Открой глаза и посмотри на меня.

— Что такое?

Он сурово произнес:

— Не смей больше говорить подобных вещей. Отныне, где Фан Юньсюань — там и Лань Чжуй. Если ты умрешь, я не останусь жить в одиночестве!

Фан Юньсюань замер. Сердце переполнилось теплом, лицо залила краска. Смущенно отвернувшись, он проворчал:

— Дурак.

Лань Чжуй, не удержавшись, быстро чмокнул его в щеку и с улыбкой двинулся вглубь ущелья.

Юньсюань, лежа у него на руках, тихо прошептал:

— Раньше я немного боялся смерти, а теперь... ничего не боюсь. — На его губах играла улыбка.

Путь был труден. Желтая земля была усеяна острыми камнями и зловещими костями. Лань Чжуй нес Фан Юньсюаня на спине, а на поясе у него висел тяжелый Клинок Разрывающего Пустоту, что значительно осложняло передвижение. Фан Юньсюань время от времени тихо кашлял или невнятно бормотал что-то в бреду.

Казалось, камни в этой пустынной долине похожи друг на друга, как две капли воды. Лань Чжуй кружил целый день, и хотя солнце уже садилось, он все еще ходил по кругу. В этих диких горах не было хищников, но не было и хвороста, чтобы развести огонь. Зная, как ослаб Юньсюань, он не мог позволить ему замерзнуть.

— Мы так и не можем выбраться? — Юньсюань, который до этого дремал, вдруг очнулся и спросил прямо у него над ухом.

Лань Чжуй криво улыбнулся:

— Похоже, я переоценил свои силы.

Фан Юньсюань нежно стер пот с его лба рукавом и жалобно проговорил:

— Опустим меня. Я могу идти сам.

Лань Чжуй слегка повернул голову и улыбнулся:

— Ты слишком плохо обо мне думаешь. Да твое нынешнее тело весит меньше, чем мой клинок. — Сказав это, он почувствовал горечь. — Ты слишком торопился. Если бы Князь Чулин принял ту пилюлю, возможно, ты бы не стал таким.

— Давай не будем идти, отдохнем немного. — Фан Юньсюань попытался спрыгнуть, и Лань Чжуй, не имея выбора, усадил его на огромный валун.

— Посмотри, все камни одинаковые, а входов слишком много, легко сбиться с пути. Нам нужно оставлять метки, тогда мы не будем ходить кругами.

— Используй клинок, руби их.

— Нельзя. Все эти скалы держатся друг за друга, если начнется камнепад, нам будет некуда бежать.

Лань Чжуй нахмурился, разглядывая свой узел:

— Но у нас нет ничего, чем можно было бы оставить след.

Фан Юньсюань задумался и произнес:

— Собери мелких камней. Чем больше, тем лучше.

Лань Чжуй, хоть и сомневался, сделал так, как просил Фан Юньсюань. Пока солнце окончательно не скрылось за горизонтом, он собирал камни.

— Столько хватит? — он принес грудку камней, завернутых в старую одежду. Его лицо было в грязи и потеках пота, вид у него был крайне потрепанный.

Фан Юньсюань кивнул, достал небольшой нож и, не говоря ни слова, полоснул себя по левой ладони.

— Остановись! — Лань Чжуй в ярости схватил его за руку. — Что ты творишь?!

— Окрашивание.

— Ты! Что за безумная идея?!

— Другого выхода нет. Или ты хочешь разбрасывать по дороге сухой паек?

Лань Чжуй долго смотрел на него, затем выхватил нож из его рук и с силой рассек себе ладонь.

— Лань Чжуй! — вскрикнул Фан Юньсюань.

— Ты... — Лань Чжуй, не глядя на него, поднес кровоточащую ладонь к груди камней. — Как я мог позволить тебе сделать такое?

Фан Юньсюань не находил слов, он молча сжал его другую, холодную руку.

— Кажется, я должен тебе все больше и больше. — Когда камни были окрашены кровью, Фан Юньсюань оторвал кусок своей одежды и начал перевязывать руку Лань Чжуй. Его голос дрожал, в нем слышались слезы.

Лань Чжуй глубоко вздохнул и крепко обнял его:

— Тогда отдай мне остаток своей жизни, чтобы расплатиться с долгами.

Идея была глупой до безобразия, но камни действительно помогли. Вскоре Лань Чжуй понял, что они выбираются из лабиринта. Скал становилось меньше, впереди показались горные пики. Миновав каменную заставу, они вышли к лесу. Взглянув вверх, они увидели отвесные стены, уходящие в небо, в которых чернели отверстия — они выглядели как рукотворные, а не природные.

Миновав каменный лабиринт, они больше не видели костей на земле. Оказалось, Вангуку — не долина смерти, просто никто до них не мог пройти сквозь лабиринт.

Фан Юньсюань больше не позволял Лань Чжуй нести себя на спине, он настаивал, чтобы идти самому. Лань Чжуй лишь крепче сжал его руку, ведя за собой. Стало совсем темно, ночь выдалась безлунной и трудной для пути.

Фан Юньсюань изо всех сил старался держаться, весь взмок от пота, но упрямо сжимал губы, не желая просить об остановке. В душе он чувствовал лишь бесконечное негодование. Кто бы мог подумать, что он, когда-то такой грозный и великий, окажется в столь жалком положении?

Лань Чжуй почувствовал, как рука Фан Юньсюаня стала совсем мокрой, и обернулся:

— Слишком темно. Давай найдем место для привала, а с рассветом двинемся дальше?

Фан Юньсюань почувствовал, что голова идет кругом, и понял, что больше не выдержит, поэтому согласно кивнул.

Лань Чжуй уложил его под большим деревом, а сам набрал веток и развел огонь. Искры плясали на вечернем ветру. Фан Юньсюань, прислонившись к стволу, плотно сжал веки, его брови были нахмурены, губы превратились в тонкую линию, а руки обхватывали хрупкое тело.

Лань Чжуй, не в силах смотреть на это, придвинулся и притянул его к себе:

— Ложись здесь, так теплее.

Фан Юньсюань прижался к нему и прошептал:

— Спасибо, что заботился о Цюйчэне по пути. И спасибо, что спас его.

Фан Юньсюань тихо рассмеялся, чувствуя спокойствие, прижавшись к его груди, и вскоре уснул крепким сном.

— Я знаю, он для тебя очень важен, — донесся голос Лань Чжуй, тихий и немного невнятный.

Их разбудило яркое солнце. После ночи в объятиях друг друга все тело затекло. Лань Чжуй достал из узла немного еды и воды, они перекусили и поспешили дальше.

Днем состояние Фан Юньсюаня заметно ухудшилось. Пройдя всего несколько шагов, он упал в траву и его вырвало тем, что он съел утром. Лань Чжуй смотрел на это, мечась в отчаянии, но ничем не мог помочь. Он мог лишь мысленно отвесить себе пару ударов и поднять обессиленного человека на спину.

После обеда солнце палило нещадно, словно извергало пламя. Пот градом катился по лицу Лань Чжуй, одежда на спине промокла до нитки и липла к телу, вызывая мучительный дискомфорт.

Фан Юньсюань, похоже, снова страдал от приступа яда, он тяжело дышал, вцепившись пальцами в плечи Лань Чжуй, вонзая ногти в кожу.

От пота мелкие ранки на плечах защипало, но Лань Чжуй не смел остановиться. Он бежал вперед, боясь, что малейшее промедление приведет к потере шанса на спасение.

— Юньсюань, смотри! — он внезапно остановился, радостно окликая человека на спине.

Фан Юньсюань, услышав его голос, с трудом открыл глаза.

Неподалеку виднелось прозрачное, как зеркало, озеро, на том берегу цвели цветы, а у самой кромки воды стоял дом из темного дерева. Пейзаж был прекрасен — маленький островок спокойствия в суете мира.

Фан Юньсюань спрыгнул со спины Лань Чжуй, пошатываясь, медленно направился к дому. Лань Чжуй, видя, как близка надежда, облегченно выдохнул и пошел вслед за ним.

В этот момент из пустоты вылетела серебряная стрела и вонзилась прямо перед ногами Фан

Юньсюаня. Лань Чжуй в испуге бросился вперед, закрывая его собой, и яростно закричал:

— Кто здесь?! Выходи!

— Кто это тут такой бессмертный, посмел явиться в Вангуку?

Оба обернулись на звонкий голос. Перед домом стоял юноша в чистых одеждах, настороженно глядя на них и сжимая в руках лук.

Лань Чжуй сдержал гнев и сложил руки в приветственном жесте:

— Я, Лань Чжуй, пришел просить Бессмертного с Восточного Острова о помощи — мой спутник отравлен. Позвольте спросить, он здесь?

Юноша, услышав, что от него чего-то хотят, стал еще надменнее:

— Мой учитель давно отошел от дел и не занимается подобной ерундой. Уходите!

— Это вопрос жизни и смерти, умоляю, пусть он сделает исключение!

— Сказал, что не занимается — значит не занимается! Ты чего такой приставучий?! — Юноша сорвался на крик: — Если сейчас же не уберетесь, я сделаю так, что вы оба здесь и сгинете!

У Лань Чжуя на лбу вздулись вены, кулаки сжались с хрустом. Ему нестерпимо хотелось броситься на этого наглеца и вышвырнуть его в озеро. Но, раз они пришли с просьбой, разве можно уйти, так и не увидев Бессмертного?

— Прошу вас, пойдите нам навстречу!

Юноша, очевидно, был вспыльчивым, либо же слишком долго сидел в этой глуши и не ведал страха. Видя, что Лань Чжуй уходить не собирается, он пришел в ярость. Взмыв в воздух, он сделал пару сальто и приземлился перед ними.

Лань Чжуй, видя, что тот настроен враждебно, решил защитить Фан Юньсюаня и заодно проучить сорванца:

— Хочешь подраться? Хорошо. Если я одолею тебя в пять ударов, ты позовешь своего учителя.

Юноша не дал ему договорить и бросился в атаку, как разъяренный тигр. Итог разочаровал Лань Чжуя — он явно переоценил противника. Всего одним ударом он отправил мальчишку в полет, и тот тяжело рухнул на землю.

Лань Чжуй изумленно посмотрел на свой кулак, а затем на стонущего юношу. Фан Юньсюань, стоявший позади, не удержался и тихо рассмеялся.

— Шо Эр, ты, негодник, никак не научишься уму-разуму, вот и получил по заслугам!

Все трое обернулись. Позади них, неведомо откуда, стоял старец с седыми волосами и бородой. Несмотря на возраст, он выглядел очень бодрым. За спиной у него была корзина, полная лечебных трав. Он улыбался, поглаживая бороду, и смотрел на Лань Чжуя.

— Господин Бессмертный! — обрадовался Лань Чжуй.

— Вчера, когда я собирал травы, я видел, как вы с господином Фан отдыхали у подножия горы. Ваша забота о нем, молодой человек, похвальна.

Фан Юньсюань покраснел — старик все видел. Но его терзал вопрос: как тот, живя здесь, узнал его происхождение?

Лань Чжуй тоже был озадачен:

— Господин, вы знаете...

— Учитель сидит в горах, но знает всё, что происходит в мире! — Юноша уже поднялся на ноги, прикрывая правый глаз, из уголка его рта сочилась кровь.

— Обычно я не отказываю тем, кто приходит ко мне за исцелением. Но раз уж господин Лань ударил моего ученика, как я могу лечить господина Фан, не предав тех, кто доверил его мне?

Лань Чжуй пришел в ярость от слов этого старика, который под личиной доброты оказался таким невыносимым защитником своих подопечных.

— Это была моя вина, я не рассчитал сил! Надеюсь, вы простите меня!

— Я известен в мире боевых искусств тем, что никогда не прощаю обид. Если я просто прощу тебя, что станет с моей репутацией?

Фан Юньсюань, чувствуя, как внутри закипает гнев, поднялся с земли и потянул Лань Чжуя за рукав:

— Пойдем, не нужно просить его!

Лань Чжуй успокаивающе похлопал его по руке и обратился к старику:

— Что мне нужно сделать, чтобы вы спасли моего друга? Просто скажите.

Бессмертный довольно усмехнулся:

— Ударься головой о землю перед моим домом тысячу раз. Если не хочешь — уходи.

— Ты! — взревел Фан Юньсюань, и если бы не Лань Чжуй, он бросился бы на него.

Бессмертный, не дожидаясь ответа, пошел по мостику к дому. Шо Эр показал Лань Чжую гримасу и, прижимая руку к подбитому глазу, последовал за учителем.

Фан Юньсюань решил, что оставаться здесь нет смысла, и потянул Лань Чжуя назад:

— Считай, что этот старик умер. Пойдем.

Лань Чжуй остался стоять на месте:

— Куда?

Фан Юньсюань замер и опустил голову:

— Искать Цюйчэня.

— А как же твой яд?

— Не важно. Я не боюсь смерти.

— А я боюсь. — Лань Чжуй покачал головой, отпустил его руку и направился к озеру.

Фан Юньсюань в отчаянии бросился за ним:

— Что ты делаешь?! Ты правда собираешься кланяться этому старому хрычу? За что?! Он просто защищает своих, мы ведь ни в чем не виноваты!

Лань Чжуй остановился и некоторое время молча смотрел на него. Вдруг он поднял руку и нежно убрал волосы с его лба:

— Верно, мы ни в чем не виноваты. Но я хочу, чтобы ты жил.

После этих слов он опустился на колени прямо на зеленую траву.

Фан Юньсюань остолбенел. В глазах защипало, горло сдавило спазмом.

Лань Чжуй, почтенный Тринадцатый Князь... глядя на мир, кто, кроме Императора, мог заставить тебя добровольно склонить колени?

— Встань! Я сказал, встань! Ты из императорского рода, ты не можешь кланяться другим! Встань!

Фан Юньсюань тянул его за одежду, пытаясь поднять, но Лань Чжуй был непоколебим.

Когда силы Фан Юньсюаня окончательно иссякли и он упал рядом с ним, Лань Чжуй коснулся его головы, нежно улыбнулся и снова поклонился, коснувшись лбом земли.

Фан Юньсюань видел, как его лоб снова и снова соприкасается с травой — *тук*, потом еще — *тук*. Он больше не мог сдерживаться, сжался в комок и разрыдался, как ребенок.

Шо Эр, «ответственно» усевшись на перила перед домом, жевал травинку и с довольным видом считал поклоны Лань Чжуй.

Ночью пошел дождь. Сначала мелкий, но потом он перерос в ливень. Ледяные струи хлестали по телу. Лань Чжуй подтолкнул Фан Юньсюаня:

— Скорее, найди место, где можно спрятаться!

— Нет! Я никуда не пойду! — вскрикнул Фан Юньсюань, вскочил и снял с себя верхнее одеяние, накинув его на Лань Чжуй.

— Что ты делаешь?! Надень немедленно, простудишься!

Фан Юньсюань опустился рядом с ним на колени:

— Подумаешь, поклоны. Не такая уж это большая цена, верно? — И он тоже начал бить поклоны, раздающиеся гулким *тук-тук* о влажную землю.

Лань Чжуй, обливаясь слезами, поспешно поднял его:

— Твое тело не выдержит! Перестань мокнуть под дождем!

<http://bllate.org/book/21134/2144001>